

СЕРГЕЙ САМУЙЛОВ

Вторжение США В Ирак

Принятие решения и непредвиденные последствия

Вторжение американцев в Ирак в марте 2003 года вместо ожидавшейся быстрой победы и создания «стабильной демократии» обернулось многолетней, изнурительной, дорогостоящей войной, к чему оказались не готовы ни политическая элита США, ни американское общество. Налицо были грубые внешнеполитические просчеты. В итоге республиканцы потерпели унизительное поражение на президентских выборах 2008 года. Дж. Буш-мл., начав с уровня популярности приблизительно в 80 процентов осенью 2001 года, когда американцы вторглись в Афганистан после сентябрьских террористических атак, завершил свое президентство на уровне в 28 процентов. К власти пришли гораздо более трезвомыслящие демократы во главе с Барак Обама.

Возникают закономерные вопросы: почему правые республиканцы и «неоконсерваторы», составлявшие костяк внешнеполитической команды Буша, так сильно просчитались в отношении последствий этой войны? Почему они потерпели, по сути, военно-политическое поражение в Ираке (пусть даже публично американцы в таком поражении не признавались и вряд ли когда-либо признаются)?

В настоящей статье автор пытается найти ответы на поставленные вопросы. Проблема сложна, а потому огра-

ничиться поиском какой-то одной причины — значит чрезмерно упростить ситуацию.

О расстановке сил в администрации и стиле принятия решений Дж. Бушем-младшим

Политическая традиция США предполагает, что кандидат в президенты — как правило, губернатор-провинциал, окружает себя авторитетными экспертами и опытными экс-политиками из рядов своей партии, которые становятся его консультантами в предвыборный период. В случае победы на выборах эти люди, как правило, получают высокие посты во внешнеполитической команде новой администрации.

У Джимми Картера, губернатора Джорджии, такими людьми стали в первую очередь З. Бжезинский, С. Вэнс и С. Хантингтон. У Рональда Рейгана, губернатора Калифорнии, ими были А. Хейг, П. Нитце, К. Уайнбергер, Р. Перл, позднее — Дж. Мэтлок и Дж. Шульц. Наконец, у Дж. Буша-мл., губернатора Техаса, в этой роли выступали в первую очередь Р. Чейни, Д. Рамсфелд, П. Вулфовиц, К. Пауэлл и К. Райс. Во внешнеполитической команде первенство, несомненно, принадлежало вице-президенту Ричарду Чейни, что довольно

САМУЙЛОВ Сергей Михайлович — руководитель Центра исследований внешнеполитического механизма США Института США и Канады РАН, доктор исторических наук.

быстро было замечено американскими СМИ.

Начав правительственную карьеру скромным чиновником, в 1974 году он стал заместителем руководителя, а в 1975-м — руководителем аппарата Белого дома президента Джеральда Форда, то есть весьма влиятельным лицом. Работая в этой должности, Чейни пришел к выводу, что после «Уотергейта» конгресс сильно ограничил власть президента, и необходимо восстановить равновесие. В 1978 году он был избран членом палаты представителей от своего штата Вайоминг. С тех пор в качестве конгрессмена пробыл в общей сложности пять выборных двухгодичных сроков. В нижней палате конгресса он начал приобщаться к внешнеполитическим делам, став членом Комитета по разведке. Его депутатская карьера сложилась столь же успешно, как и административная, и в 1986 году Чейни был избран заместителем лидера республиканского меньшинства в своей палате. После победы республиканцев на выборах 1988 года Дж. Буш-ст. номинировал его на пост министра обороны. Возглавив Пентагон, одним из своих заместителей Чейни сделал Пола Вулфовица.

За последние десятилетия наиболее сложным внешним испытанием для республиканской администрации стала война с Ираком в 1990—1991 годах, когда иракцы вторглись в Кувейт, а американцы вместе с союзниками осуществили сухопутную операцию «Буря в пустыне» по их военному разгрому и освобождению оккупированной страны. После разгрома иракской армии встал вопрос, двигаться ли дальше на Багдад, с тем чтобы свергнуть режим Саддама Хусейна. Президент Дж. Буш-ст., участник Второй мировой, его помощник по национальной безопасности генерал Брент Скаукрофт и командующий американскими войсками генерал Норманн Шварцкопф вполне здраво рассудили, что в Багдаде

война приобретет партизанский характер — и ее будет невозможно выиграть. Потому они ограничились разгромом иракцев в приграничных областях, а затем вернули американские войска в места постоянной дислокации. Далее в отношении Багдада США перешли к традиционному «сдерживанию».

Однако с такой позицией были не согласны министр обороны Р. Чейни, его заместитель П. Вулфовиц со своим заместителем Л. Либби. В 1992 году они разработали меморандум по планированию (аналитическую записку), в котором содержались предложения о возможности США действовать упреждающим образом и в одностороннем порядке, для того чтобы не допустить «доминирования в регионе какой-либо враждебной державы (имелся в виду Ирак. — С. С.)» и «обеспечить доступ США и Запада к нефтяным запасам региона»¹. После поражения республиканцев на президентских выборах 1992 года эти идеи были подхвачены небольшой группой так называемых неоконсерваторов.

В период президентской избирательной кампании 2000 года Дж. Буш-мл. уговорил Чейни баллотироваться вместе с ним в качестве кандидата в вице-президенты. При этом Буш осознал, что плохо разбирается во внешней политике. «Я не знаю, какие материалы окажутся на моем столе, — говорил он Чейни, — но я нуждаюсь в человеке, который мог бы их предварительно просмотреть и давать мне советы для принятия хороших решений»². После ряда уговоров и колебаний Чейни согласился. Но согласившись, сразу же начал выстраивать такую структуру внешнеполитической команды Буша, в которой он был бы лидером.

¹ «Defense Planning Guidance for the Fiscal Years 1994—1999», February 18, 1992. — «The PBS Frontline documentary “The War Behind Closed Doors”» (www.pbs.org/).

² *Cum. no. R. Draper*. *Dead Certain: The Presidency of George W. Bush*. N. Y., 2007. P. 89.

Следует также сказать о принадлежности Р. Чейни к «неоконсерваторам». В 1997 году «неоконы» — небольшая группа внешнеполитических экспертов ультраконсервативного толка создали новый «мозговой центр» — «Проект для нового американского века» (ПНАВ), куда помимо Чейни вошли правые экс-политики, республиканцы, включая Д. Рамсфелда, Ф. Икле, П. Вулфовица, Э. Абрамса, Л. Либби, Р. Перла и др. Многие из них ранее, во второй половине 1970-х годов, входили в состав известного Комитета по существующей опасности. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что от демократов их отличало следующее. Они разделяли идеи вышеуказанного меморандума, в частности ратовали за право Вашингтона в одностороннем порядке, минуя СБ ООН, наносить упреждающие удары по странам и зарубежным объектам, которые, с их точки зрения, представляли угрозу США. Они полагали, что Америке вполне по силам вести одновременно три региональные войны обычными вооружениями и одержать в них победу. Они выступали за создание общемировой империи во главе с США, то есть за моноцентричное имперское мироустройство, но открыто об этом не говорили³.

Тесные отношения взаимной поддержки между Чейни, Рамсфелдом и Вулфовицем начались еще в администрации Дж. Форда. Тогда они дружно противодействовали политике разрядки напряженности с Советским Союзом, которую проводил Г. Киссинджер. Когда этот тройственный альянс вновь объединился внутри администрации Дж. Буша-мл., его участники не замедлили вернуться к своим нереализованным планам по свержению С. Хусейна, несмотря на сильное сопротивление со стороны директора

ЦРУ Джорджа Тенета и государственного секретаря Колина Пауэлла. Президент Буш не понимал, какая давняя тесная связь существует между Чейни и министром обороны Рамсфелдом. Показательно, что уже на первом заседании Совета национальной безопасности (СНБ) в январе 2001 года, задолго до сентябрьских террористических атак, Чейни при поддержке Рамсфелда инициировал обсуждение «проблемы Ирака», что не входило в повестку дня⁴.

Террористические атаки, произошедшие 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне, и ставшие их следствием многочисленные жертвы среди гражданского населения содействовали тому, что правые и «неоконы» — в первую очередь троица Чейни, Рамсфелд, Вулфовиц — стали играть ведущую роль во внешнеполитической команде администрации, а их ранее маргинальные взгляды и подходы превратились вскоре в официальные позиции. В течение нескольких часов после террористических атак директор ЦРУ Дж. Тенет представил серьезные обоснования того, что за ними стояла террористическая сеть «Аль-Каиды», которую прикрывало правительство талибов в Афганистане. Он не считал, что Ирак и Саддам Хусейн были причастны к происшедшему⁵.

Однако указанная троица сразу же начала убеждать президента в том, что за атаками стояли не только террористы из «Аль-Каиды», но и Ирак. На заседаниях СНБ троица упорно отстаивала свою линию. Вулфовиц стал недвусмысленно говорить о том, что необходимо одновременно вторгнуться в Афганистан и Ирак. Его активно поддерживал Рамсфелд⁶. Однако

⁴ См. **Sh. Warsaw**. The Co-Presidency of Bush and Cheney. Stanford (CA), 2009. P. 213.

⁵ См. *ibid.* P. 216—217.

⁶ См. «The 9/11 Commission Report: Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks upon the United States». Wash., Government Printing Office, 2004. P. 335.

³ Подробнее см. **С. М. Самуйлов**. Неоконсерваторы и внешняя политика Вашингтона. — «США, Канада: экономика, политика, культура». 2006. № 5. С. 32—36.

осенью 2001 года президент Дж. Буш-мл. решил ограничиться вторжением только в Афганистан, которое началось в октябре. Похоже, психологически ему было сложно отойти от политики своего отца, который, как уже было сказано, отказался от «похода на Багдад».

Тогда Чейни при поддержке других начал убеждать президента, что ситуация «глобальной войны с терроризмом» кардинально отличалась от той, с которой столкнулся его отец — оккупацией одним государством территории другого. Он настаивал на том, что Ирак предоставляет убежище террористам, которые имеют оружие, угрожающее США. Он также считал, что «война с терроризмом» имеет более широкие масштабы, включающие Ирак, и вторжение в Афганистан является лишь ее частью. Постепенно Дж. Буш-мл. начал проникаться идеями Чейни и отходить от позиций своего отца. Аналогичные аргументы Чейни начал представлять американским СМИ и общественности.

К началу 2002 года ему и его сторонникам удалось убедить президента, что режим С. Хусейна представляет реальную угрозу США и необходимо отстранить его от власти⁷. Буш стал разделять внешнеполитические взгляды правых и «неоконов», что в полной мере проявилось в содержании его обращения к нации в конце января 2002 года. Выступая перед конгрессом, президент заявил, что Северная Корея, Иран и Ирак с «их террористическими союзниками» составляют «ось зла» (an axis of evil). При этом больше всего в обращении досталось Ираку. Режим Хусейна был обвинен в применении отравляющих газов против своих граждан, изгнании международных инспекторов, сокрытии «чего-то» от международного сообщества. Кроме того, по словам президента, «Ирак

продолжает демонстрировать враждебность по отношению к Америке и поддерживать терроризм». По утверждению Буша, все государства «оси зла» в их стремлении обрести оружие массового уничтожения (ОМУ) создавали «смертельную и увеличивающуюся опасность», поскольку «они могли снабдить этими вооружениями террористов», могли «напасть на наших союзников или попытаться шантажировать Соединенные Штаты»⁹. В неявной форме президент дал понять, что США не остановятся перед односторонними действиями в отношении Ирака.

Таким образом Чейни, Рамсфелду и Вулфовицу довольно быстро удалось перетянуть президента Дж. Буша-мл. на свою сторону. И дело здесь не только в том, что президент был дилетантом во внешней политике и в большой мере доверял вице-президенту как профессионалу. Сказался еще и особенный стиль принятия решений Бушем. Об этом следует сказать отдельно.

Американские эксперты и бывшие высокопоставленные сотрудники администрации Дж. Буша-мл. еще в конце первого срока его президентства давали далеко нелестную характеристику процессу принятия решений в Белом доме. Так, Пол Лайт, эксперт из либерального «центра мысли» — Брукингского института, не без оснований полагал: «Буш склонен принимать решения на основе внутренних предчувствий и интуиции... В команду приглашаются только те люди, которые согласны с ним». Ему вторили бывший руководитель по борьбе с терроризмом администрации Ричард Кларк и бывший министр финансов Пол О'Нил. Последние утверждали, что «легендарная дисциплина в Белом доме Буша» оборачивается «почти пол-

⁷ См. **Sh. Warshaw**. The Co-Presidency of Bush and Cheney. P. 218, 227.

⁹ Text of President Bush's 2002 State of the Union Address. — «Washington Post». 29.01.2002 (www.washingtonpost.com/).

ным игнорированием альтернативных мнений»¹⁰.

Кларк также сообщил американской общественности, что Буша не интересовали нюансы и длительное обсуждение деталей какой-либо внешнеполитической проблемы, хотя решение сложных проблем как раз требовало изучения многочисленных деталей и обсуждений с большим количеством экспертов. С самого начала ему и другим советникам было сказано, чтобы они не писали объемных меморандумов (информационно-аналитических материалов), «поскольку президент не любит читать». Буш предпочитал, чтобы его информировали в устной форме, и хотел, чтобы устная информация поступала от советника по национальной безопасности (Кондолиза Райс в период первого срока президентства), руководителя аппарата Белого дома Энди Карда и вице-президента Ричарда Чейни¹¹, то есть очень узкого круга лиц. Обозреватель Рон Хатчесон в марте 2004 года подчеркивал постоянный упор Буша на важность «инстинктов» при принятии решений¹².

Кроме того, уже в период первого срока президентства Буша американским СМИ было хорошо известно, что внутри администрации, точнее — в рамках системы СНБ, шла напряженная бюрократическая борьба между вице-президентом Р. Чейни и министром обороны Д. Рамсфелдом, с одной стороны, и государственным секретарем К. Пауэллом, с другой. Первые, представляя «неоконов» и правых республиканцев, ратовали за силовой «экспорт демократии», в первую очередь в Афганистане и Ираке¹³. Пауэлл, как глава дипломатического ведомства, выступал

за активную роль дипломатии и ООН в разрешении внешнеполитических проблем. Как известно, он проиграл в этой бюрократической схватке и в конце 2004-го объявил о своей отставке.

Близкую к вышеуказанной оценке метода принятия решений Дж. Бушем-мл. дал в марте 2005 года другой обозреватель — Боб Барнетт. Он также подчеркивал стремление Буша окружить себя «поддакивающими» (yes sayers) людьми. Как следствие, не было «обратной связи», которая позволила бы Белому дому извлекать уроки из собственных ошибок. Вместо этого характерной чертой Буша стало непризнание последних. Его администрация полагала, что такое признание будет восприниматься как проявление слабости¹⁴.

Из сказанного явствует, что Дж. Буш-мл. не отличался высоким интеллектуальным уровнем и аналитическими способностями. Он был склонен к упрощенчеству, поскольку требовал от подчиненных предоставления меморандумов объемом в одну страницу и проведения коротких брифингов, то есть избегал серьезных обсуждений. Он был не уверен в собственной способности принимать верные рациональные внешнеполитические решения. Отсюда — его потребность полагаться на собственные «инстинкты», то есть внутреннее мироощущение, и окружать себя поддакивающими советниками. Отсюда же — и требование к подчиненным вырабатывать единственный, консенсусный (то есть согласованный со всеми вовлеченными внешнеполитическими ведомствами) вариант принятия решения по конкретной проблеме, прежде чем утвердить его¹⁵.

¹⁰ R. Hutcheson. *Insiders Offer Unflattering Accounts of Bush's Decision-Making Style*. March 26, 2004. — www.commondreams.org/

¹¹ См. «Decision Making Style». October 12, 2004. (<http://www.pbs.org/>).

¹² См. R. Hutcheson. *Insiders Offer Unflattering Accounts of Bush's Decision-Making Style*.

¹³ Подробнее см. С. М. Самуилов. *Неоконсерваторы и внешняя политика Вашингтона*. С. 31—50.

¹⁴ См. B. Barnett. *Bush's Decision-Making Style is Full of Gut-Feeling and «Blinks»*. March 08, 2005. — www.berkeleydailyplanet.com/

¹⁵ См. A. Whittaker, Fr. Smith, E. McKune. *The National Security Policy Process: The National Security Council and Interagency System*. Research Report. Wash. (D.C.): Industrial College of the Armed Forces, National Defense University, U.S. Department of Defense, 2010. P. 30.

Именно из-за этого президент Дж. Буш-мл. быстро впал в зависимость от тройцы Чейни—Рамсфелд—Вулфовиц при формулировании внешней политики.

Принятие решения о вторжении в Ирак (2002—2003 годы)

Значительное упрощенчество, как и другие обозначенные выше особенности стиля руководства, просматриваются и в мемуарах Дж. Буша-мл., выпущенных в 2010 году. Отдельная глава в них посвящена принятию решения о вторжении в Ирак — принятию, пожалуй, наиболее сложного решения за весь период его президентской деятельности. Вопреки первоначальным надеждам на «маленькую победоносную войну», оно обернулось поражением республиканцев на президентских выборах 2008 года.

В первую очередь в мемуарах обращает на себя внимание та легковесность, которая лежала в основе веры Буша-мл. в возможность создания «стабильной демократии» в Ираке. Известно, что в 2002—2003 годах, до начала вторжения, он публично давал понять, что «иракский народ созрел для демократии». В мемуарах он утверждает, что если люди получают возможность свободно избирать своих лидеров, то они будут менее склонны прибегать к насилию. Если молодежь будет расти с верой в будущее, то она не будет самоутверждаться с помощью идеологии террора. Если свобода пустит корни в одной стране (на Ближнем Востоке), то она сможет распространиться и в других странах¹⁶. Возникает впечатление, что выводы из прошлого так и не сделаны.

Следует напомнить и ту аргументацию, которую в 2002—2003 годах, опять же до начала войны, президент выдвигал, выступая перед конгрессом и побуждая законодателей принять резолюцию в поддержку возможного

военного вторжения США. Все выступление было выдержано в черно-белых тонах. Режим С. Хусейна изображался «исчадием ада», а США — традиционным воплощением «мирового добра». Так, 3 января 2003 года Буш заявлял: «...подобно всем человеческим существам они (иракцы. — С. С.) заслуживают того, чтобы жить в условиях свободы и с достоинством. Америка стремится к тому, чтобы не только нанести поражение терроризму. Мы стремимся к распространению человеческой свободы по всему миру». Понятно, что Буш имел в виду распространение «свободы» в Ираке с помощью военной силы.

26 февраля, когда подготовка к вторжению вступила в завершающую стадию, президент рассуждал: «Обеспечение стабильности и единства в освобожденном Ираке не будет легким делом. Но это не является оправданием для того, чтобы пыточные камеры и лаборатории по изготовлению отравляющих веществ продолжали действовать. ... *Иракская нация с ее славным наследием, большими ресурсами, умелым и образованным народом полностью способна двинуться к демократии и жить в условиях свободы* (курсив мой. — С. С.)»¹⁷.

Рассуждения, как в выступлениях, так и в мемуарах Буша, отличаются типичными изъянами, присущими американскому внешнеполитическому сознанию. Во-первых, вера в универсализм отчетливо просматривается в представлениях о том, что «иракский народ»¹⁸

¹⁷ «In the President's Words: The Rights and Aspirations of the Iraqi People». July 8, 2004. — www.georgewbush-whitehouse.archives.gov/

¹⁸ То обстоятельство, что единого «иракского народа» попросту нет, а на деле Ирак состоит из трех этнических и религиозных общностей — курдов, суннитов и шиитов, хорошо понимали профессиональные дипломаты из госдепартамента. Однако для Буша, похоже, такое адекватное представление об Ираке было слишком сложным, и он предпочитал оперировать категорией «иракский народ». Кроме того, как было сказано, К. Пауэлл и госдепартамент очутились на второстепенных ролях, то есть не имели сильного влияния на президента.

¹⁶ См. **G. Bush**. Decision points. N. Y., Crown Publishers, 2010. P. 232.

ждет, когда американцы освободят его от тирании режима Хусейна, что он созрел для того, чтобы «жить в условиях свободы».

Во-вторых, представление о том, что народ Ирака «способен двинуться к демократии» и созрел для свободы, свидетельствовало также об отсутствии у республиканцев, включая администрацию Дж. Буша, исторического мышления. Им трудно понять, что одним из необходимых условий торжества парламентской демократии в той или иной стране является отказ радикальных и экстремистских сил от вооруженных методов борьбы как средства достижения своих целей. Необходимо, чтобы эти силы устали от военных действий из-за того, что получили вооруженный отпор, и пришли к выводу о том, что им проще добиться своего с помощью свободных выборов. Для обретения такого понимания радикалами и экстремистами необходимо определенное историческое время при условии, что их вооруженным действиям будет дан достойный силовой отпор.

В-третьих, сама идея «освобождения» народа Ирака от тирании режима С. Хусейна, пронизывающая все выступления Буша того периода, являлась убедительным проявлением мессианских наклонностей американской политической элиты.

В-четвертых, в выступлениях президента по Ираку явно просматривалась примитивная, черно-белая схема борьбы «добра и зла», в рамках которой США выступали воплощением «вселенского добра», а режим С. Хусейна всячески и преднамеренно демонизировался.

Кроме того, в мемуарах четко просматривается вера не только Буша, но и всей его администрации и даже «разведывательного сообщества» в то, что возможное свержение в Ираке силовым путем диктатора Саддама Хусейна каким-то чудодейственным образом не повредит стабильности в стране, а «освобожденный иракский народ» будет приветствовать американцев. При этом, как пишет Буш, в разведывательных

материалах утверждалось, что после падения режима Хусейна большинство военнослужащих иракской армии и полицейских перейдет на сторону США и послужит основой для формирования новой армии¹⁹.

Демонизация иракского режима в 2002 году шла по нарастающей. В конце августа того года Чейни впервые публично заявил, что режим С. Хусейна обладает химическим и биологическим оружием массового уничтожения и занимается разработкой ядерного оружия. До этого представители администрации говорили, что Ирак лишь стремится создать ОМУ. В этом своем выступлении вице-президент повторил аргументы меморандума 1992 года, согласно которым С. Хусейн намерен установить гегемонию в регионе и лишить Запад доступа к ближневосточной нефти. Главный его вывод звучал следующим образом: «Риски бездействия намного больше, чем риск действия... Мы осознаем, что войны никогда не выигрываются с помощью обороны. Мы должны принять все необходимые меры, чтобы гарантировать безопасность нашей страны, и мы одержим верх»²⁰. Из мемуаров Буша видно, что проблема наличия (или отсутствия) у саддамовского режима оружия массового уничтожения была и остается крайне болезненной для экс-президента, поскольку именно американские «доказательства» наличия ОМУ послужили главным основанием для военного вторжения.

После августовского выступления Чейни все высокопоставленные члены внешнеполитической команды начали говорить о наличии ОМУ у Багдада как о доказанном факте. Однако немало законодателей было настроено скептически. Когда в октябре 2002 года в конгрессе началось обсуждение резолюции

¹⁹ См. **G.W. Bush**. Decision points. P. 249.

²⁰ «Cheney Cites “Risks of Inaction” with Iraq». August 27, 2002. — www.edition.cnn.com/2002/ALLPOLITICS/08/26/ch Cheney.iraq/

по Ираку, они потребовали предоставить им разведывательные данные. ЦРУ снабдило их приблизительно теми же материалами, которыми оно обеспечивало Буша-мл. в последние полтора года. Согласно им (позднее рассекреченным), «Багдад имеет химическое и биологическое оружие, также как и ракеты с радиусами действия, которые превышают ограничения, наложенные ООН; если не продолжать проверки, то, возможно, он создаст ядерное оружие в течение этого десятилетия»²¹.

Конгресс довольно быстро принял резолюцию, которая санкционировала возможное применение силы против Ирака, с тем чтобы вынудить его подчиниться ранее принятым резолюциям СБ ООН. Буш при этом заявил: «Конгресс ясно показал международному сообществу и Совету Безопасности ООН, что Саддам Хусейн и его незаконный режим создают смертельную угрозу региону, миру и Соединенным Штатам. Бездействию — нет, разоружению — да»²². Все это звучало особенно показательно в обстановке конца 1990-х — начала 2000-х годов, когда американскую политическую элиту, СМИ и общественность охватило своего рода «головокружение от успехов», порожденное крахом Советского Союза и социалистической системы. Большинство американцев уверовали в то, что США по силам создать общемировую империю (*Rex Americana*) и решать мировые проблемы единолично.

После шоковых террористических атак сентября 2001 года Америка осуществила вторжение в Афганистан, впервые в своей истории проникла в бывшую советскую Среднюю Азию и, как тогда казалось, быстро разгромила режим талибов. Правые, «неоконы» и администрация Буша впали в эйфорию. Опросы общественного мнения показывали, что американцы, похоже, были

готовы к продолжительной региональной войне. В этих условиях в сентябре 2002 года была обнародована новая стратегия национальной безопасности, получившая название «Доктрина Буша». В ней «неоконам» удалось придать официальный характер своей главной идее о возможности нанесения упреждающих ударов по базам террористов и государствам, с американской точки зрения, их поддерживающим.

В документе, в частности, говорилось: «Принимая во внимание цели государств-изгоев и террористов, Соединенные Штаты не могут более полагаться только на возможность нанесения ответного удара, как это было в прошлом... Для предупреждения и предотвращения враждебных действий наших противников Соединенные Штаты в случае необходимости будут действовать упреждающим способом»²³. Таким образом, помимо прочего, возможное военное вторжение в Ирак администрация Буша рассматривала и как практическую реализацию своей новой, «неоконовской», стратегии национальной безопасности. А одобрение конгрессом упоминавшейся резолюции означало, что и американские законодатели в то время поддерживали концепцию нанесения «упреждающих ударов».

В течение 2002—2003 годов президент Дж. Буш-мл. много раз созывал заседания «команды СНБ» (то есть не всего состава Совета национальной безопасности, а более узкий круг особо доверенных лиц), на которых обсуждались планы возможных военных операций против Ирака. В мемуарах он довольно убедительно показывает, что в тот период и его администрация, и американский конгресс, и «разведывательное сообщество» США были уверены, что у Саддама имелось ОМУ. Буш не без оснований пишет: «Представле-

²¹ G. W. Bush. Decision points. P. 240.

²² «Bush Says Resolution Shows U.S. Speaks with One Voice». October 11, 2002. — www.defenselink.mil/

²³ См. «V. Prevent Our Enemies from Threatening Us, Our Allies, and Our Friends with Weapons of Mass Destruction». — «The National Security Strategy of the United States». September 17, 2002 (www.whitehouse.gov/).

ние о том, что у Саддама имелось ОМУ было почти всеобщим (universal) консенсусом. Мой предшественник (Билл Клинтон) верил в это. Республиканцы и демократы на Капитолийском холме верили в это. Разведывательные службы Германии, Франции, Великобритании, России, Китая и Египта верили в это»²⁴.

Следует напомнить, что на протяжении 1990-х годов инспекторы ООН никакого ОМУ на территории Ирака не нашли. На протяжении 2002 года представители Организации Объединенных Наций также утверждали, что на основании фотоснимков, сделанных со спутников, доказательств наличия ОМУ у Ирака не было. В течение того года угрозы односторонних действий не только не нашли поддержки у традиционных союзников, но, наоборот, привели к активной оппозиции со стороны Франции, Германии, Канады. Их поддержали Россия и Китай.

Осенью 2002 года Буш-мл. и его администрация усилили давление на ООН. В частности, разработкой текста резолюции по Ираку занялись делегации США и Великобритании. Потребовалось восемь недель интенсивных переговоров, в первую очередь с постоянными членами СБ ООН — Китаем, Россией и Францией, имевшими право вето, прежде чем был выработан приемлемый текст. В итоге 8 ноября 2002 года Совет Безопасности ООН единогласно принял Резолюцию № 1441²⁵. В ее тексте в числе прочего говорилось, что Ирак нарушил и продолжает нарушать свои обязательства по выполнению предыдущих резолюций СБ, включая прекращение допуска на свою территорию инспекторов ООН и МАГАТЭ. Также указывалось, что международным инспекторам должен быть

предоставлен немедленный и неограниченный доступ к любым объектам на территории Ирака, которые они сочтут необходимым осмотреть. Содержалось и напоминание, что в случае новых нарушений обязательств последуют «серьезные последствия» для Ирака со стороны СБ ООН. Никаких упоминаний о возможном применении силы не было.

В конце ноября инспекторы ООН и МАГАТЭ вернулись в Ирак. Они осмотрели места и объекты, где, по их мнению, могло производиться ОМУ, и вновь не нашли таких производственных мощностей и складов с оружием. Было найдено лишь 18 незаявленных 122-миллиметровых ракет с химическими боеголовками, уничтоженных под контролем миссии²⁶. Другими словами, убедительных оснований для оправдания возможного военного вторжения в Ирак инспекторы не нашли. Коль скоро веских оснований не было, премьер-министр Великобритании Тони Блэр, которому всецело доверял Буш, предложил добиваться принятия новой резолюции СБ ООН, недвусмысленно дающей санкцию на применение силы.

Буш был против второй резолюции. Однако за нее, как это ни показалось бы странным, выступили «ястребы» — Чейни и Рамсфелд, а также Кондолиза Райс. Пауэлл был против, но полагал, что если Блэр настаивает, то следует попытаться, чтобы «наилучшим образом помочь нашим друзьям»²⁷. Тогда Буш и решил обнародовать на заседании Совета Безопасности часть секретной информации, которой располагало «разведывательное сообщество». По рекомендации Чейни, это было поручено сделать Пауэллу, который четыре дня и ночи со своим ближайшим помощником изучал закрытые данные в штаб-квартире ЦРУ. После этого 5 февраля 2003 года он выступил на заседании СБ ООН, где представил ряд «доказательств».

²⁴ **G. W. Bush.** Decision points. P. 242.

²⁵ См. «Security Council Holds Iraq in “Material Breach” of Disarmament Obligations, Offers Final Chance to Comply, Unanimously Adopting Resolution 1441». November 8, 2002. — «Press Release SC/ 7564» (www.un.org/News/Press/docs/2002/SC7564.doc.htm).

²⁶ «United Nations Security Council Resolution 1441». — http://en.wikipedia.org/wiki/United_Nations_Security_Council_Resolution_1441

²⁷ **G. W. Bush.** Decision points. P. 244.

Все приведенные данные носили косвенный характер, хотя для их получения использовались все возможные пути — как технические средства разведки, вроде перехвата телефонных разговоров и фотоснимков, сделанных со спутников, так и сообщения «свидетелей, видевших своими глазами» с риском для жизни, «на что замахивается Саддам». Наиболее веским «доказательством» оказались данные о якобы наличии у Багдада мобильных лабораторий по производству биологического оружия, в частности вирусов сибирской язвы. Такие лаборатории, как утверждал Пауэлл, размещались в больших закрытых автомобильных трейлерах и в товарных железнодорожных вагонах. Поскольку они могли быстро перемещаться, инспекторы не были способны их обнаружить. Госсекретарь уверял, что такие лаборатории видели своими глазами по меньшей мере четыре свидетеля (*eye witness*)²⁸.

Доводы и аргументы Пауэлла не убедили членов Совета Безопасности. Три дня спустя президент Франции Жак Ширак заявил: «Сегодня ничто не оправдывает войну». Канцлер Германии Герхард Шредер и президент России Владимир Путин выпустили совместное заявление, в котором высказались против войны. Тем не менее 23 февраля США ввели проект второй резолюции на рассмотрение СБ ООН. Однако, видя, что резолюция не пройдет, 17 марта американцы сняли ее с обсуждения.

Президент США решил, что дипломатический процесс исчерпан. На заседаниях «команды СНБ» вновь начались интенсивные обсуждения планов военного вторжения в Ирак. Чейни твердо поддерживал его по принципу «чем быстрее, тем лучше». Рамсфелд считал, что войска будут готовы, если президент отдаст соответствующий приказ. Райс на заседаниях СНБ старалась зани-

мать нейтральную позицию, но после встречи с командой инспекторов ООН неохотно поддержала «военную альтернативу». Наибольшие сомнения высказывал Пауэлл, полагая, что в отношении «угрозы со стороны Ирака» следует продолжать дипломатические усилия²⁹.

По словам самого Буша, он «знал, что цена будет высокой. Но бездействие также имело свою цену. Принимая во внимание все, что мы знали, позволение Саддаму оставаться у власти было бы равнозначно немислимо рискованной игре... После того, как я увидел все ужасы 11 сентября 2001 года, я не хотел давать ему такого шанса. Военные действия были моим последним выбором. Я верил, они стали необходимыми»³⁰. 17 марта 2003 года президент выступил с обращением к нации, в котором сообщил, что, коль скоро СБ ООН не справляется со своими обязанностями, США будут выполнять свои обязательства перед международным сообществом. 19 марта на заседании СНБ в полном составе он отдал приказ начать военную операцию «по освобождению» Ирака.

Как известно, после быстрого свержения американцами режима Саддама Хусейна процессы, начавшиеся в Ираке, абсолютно не соответствовали «довоенным» представлениям американского руководства. Белый дом полагал, что главные проблемы будут связаны с большими потоками беженцев и возможным голодом. На деле же рухнула вся иракская государственность, что стало полной неожиданностью для американцев.

Непредвиденные последствия оккупации Ирака

У иракцев исчез страх перед центральной властью, которой не стало и которая служила, пожалуй, главным

²⁸ См. «General Colin Powell. Address to the United Nations Security Council». February 5, 2003. — www.americanrhetoric.com/speeches/wariniraq/colinpowellunsecuritycouncil.htm

²⁹ См. **G. Bush**. Decision points. P. 251.

³⁰ *Ibid.* P. 253.

условием сохранения стабильности в стране. По словам самого Буша, он пришел в ужас, наблюдая в первые недели после вторжения, как грабили национальный музей Ирака, как начались похищения детей, убийства и изнасилования. «Что за чертовщина там происходит? — спрашивал он на заседаниях СНБ. — Почему никто не остановит этих грабителей?» Вместо предполагавшегося дружного перехода на сторону американцев иракская армия разбежалась, полиция развалилась, воцарились беззаконие, «вакуум безопасности», хаос и насилие³¹.

На деле оказалось, что иракцы вовсе не готовы «жить в условиях свободы». Американским военным в срочном порядке пришлось заняться мирными делами — наведением элементарного порядка, воссозданием органов государственного управления, экономической инфраструктуры и т. п. Еще одним шокирующим для администрации Буша обстоятельством стало то, что американцы не нашли в Ираке никаких запасов ОМУ. Когда соответствующих данных не поступило после взятия Багдада, Буш был удивлен. Когда же их не нашли и в течение всего лета 2003-го, он был встревожен. В США быстро сложилось мнение, что президент обманул страну, втянув ее в войну, что вторжение было осуществлено исключительно ради установления контроля над иракской нефтяной отраслью. В мемуарах президент вновь и вновь повторяет, что все — и члены конгресса, и его предшественники в Белом доме, и разведка США, и зарубежные разведки — были убеждены, что режим Саддама обладал ОМУ. По словам самого Буша, «никто не был в большей мере шокирован или разгневан, чем я, когда мы не нашли это оружие. Меня охватывали болезненные ощущения каждый раз, когда я думал об этом. И это продолжается до настоящего времени»³². Экс-президент также

признает, что американская разведка в отношении Ирака «потерпела неудачу». В апреле 2004 года К. Пауэлл был вынужден публично признать, что, возможно, ввел членов СБ ООН в заблуждение год назад, когда обосновывал перед ними факт наличия у Ирака оружия массового уничтожения. В частности, ему пришлось оправдываться за отсутствие у Саддама трейлеров по производству бактериологического оружия. Он уверял, что проверял эту информацию по нескольким источникам³³.

В соответствии с изначально заявленными целями, в Ираке американцы, опираясь на свои оккупационные войска, приступили к созданию традиционных для них демократических институтов, надеясь, что с их помощью можно будет создать «стабильную демократию». В июне 2004 года оккупационная администрация формально передала власть временному иракскому правительству, которое совместно с американцами разработало график учреждения демократических институтов. В конце января 2005 года прошли выборы в переходную Национальную ассамблею, состоявшую из 275 депутатов. Она сформировала переходное правительство. Кроме того, были выбраны советы (парламенты) во всех провинциях Ирака, а Курдистан (курды составляли приблизительно 21 процент населения страны) получил автономию сразу же, как только была выбрана его региональная ассамблея, состоявшая из 111 депутатов.

Все эти выборы были далеки от западных стандартов «свободных и справедливых» (*free and fair*), поскольку проходили в крайне сложных условиях, близких к гражданской войне. В частности, арабская суннитская мусульманская община (приблизитель-

³¹ См. *ibid.* P. 258—259.

³² *Ibid.* P. 262.

³³ См. «Powell no Longer Sure that Iraqi Trailers Were Weapons Labs». April 3, 2004. — www.msnbc.msn.com/id/4654048/ns/world_news-mideast_n_africa/t/powell-no-longer-sure-iraqi-trailers-were-weapons-labs/#.T5c7vjLSURY

но 15 процентов населения), которая столетиями находилась у власти, включая период властвования С. Хусейна, в ситуации пропорционального представительства сочла себя обделенной и бойкотировала выборы. Сунниты в переходной Национальной ассамблее получили только 17 мест из 275³⁴. В итоге высшие посты в переходной власти оказались в руках мусульман-шиитов (приблизительно 60 процентов населения) и курдов.

К середине августа 2005 года был разработан проект национальной Конституции. Его главные особенности заключались в том, что ислам провозглашался

«основным источником»

при разработке законов, четверть выборных постов должна была принадлежать женщинам, обязательным устанавливалось только начальное образование, в высший федеральный суд должны были входить «исламские юристы-эксперты». Одна из главных проблем, которую не удалось разрешить при подготовке проекта, заключалась в соотношении полномочий между центральными и

провинциальными властями. Несмотря на жесткое противодействие суннитов, на референдуме в октябре 2005 года проект Конституции был одобрен.

Показательно, даже в рамках проводившегося американцами процесса формирования демократических институтов выяснилось, что единого «иракского народа» не существует. В проекте Конституции, по сути, был заложен механизм будущей федерализации государства. Кроме того, бойкоты выборных процессов свидетельствовали, что значительная часть иракцев была не готова «жить в условиях свободы».

³⁴ См. **К. Katzman**. Iraq: Politics, Governance, and Human Rights. — «CRS Report for Congress». 24.01.2012. № RS21968. Wash., 2012. P. 1—2.

В декабре 2005 года в соответствии с новой Конституцией состоялись общенациональные выборы в постоянный парламент, который также включал в себя 275 депутатов. В нем также высшие посты оказались в руках шиитов и курдов, поскольку им принадлежало подавляющее большинство депутатских мест. В выборах принимало участие 361 политическое образование, в том числе 19 многопартийных коалиций. Избиратели голосовали не за конкретных людей, а за предпочитаемые ими политические образования (партии, движения, группировки, коалиции), как правило известные им по региональному призна-

В рамках проводившегося американцами процесса формирования демократических институтов выяснилось, что единого «иракского народа» не существует. В проекте Конституции, по сути, был заложен механизм будущей федерализации государства.

ку (система «закрытого листа»). А уже лидеры этих образований решали, кто от них будет заседать в национальном парламенте. В марте 2006 года новый парламент начал действовать, был утвержден новый премьер-министр — шиит Нури Камаль аль-Малики. В мае того же года парламент утвердил состав нового правительства, состоявшего из 37 министров. 19 министерских постов достались шиитам, 9 — суннитам, 8 — курдам и 1 — христианину³⁵.

Администрация Дж. Буша-мл. сочла выборы вполне успешными. Однако, словно в насмешку над ее наивно-иллюзорными представлениями, что это должно было содействовать стабили-

³⁵ См. *ibid.* P. 3.

зации Ирака, в 2006 году, по сути, началась кровопролитная террористическая гражданская война. В феврале сунниты произвели взрыв в одном из священных для шиитов храмов в городе Самарра, сопровождавшийся многочисленными жертвами. Он стал пиковым моментом в нараставшем и расширявшемся потоке насилия внутри страны. Акция послужила своеобразным спусковым крючком для развязывания масштабной террористической войны между суннитами и шиитами. Шииты начали мстить, отвечая аналогичными акциями. Возникшее вооруженное противоборство характеризовалось нападениями суннитских повстанцев на американские войска, многочисленными террористическими актами суннитов против шиитов и наоборот, с большими людскими жертвами. При этом радикально настроенные имамы-сунниты подстрекали суннитских повстанцев к актам гражданской войны, так как были против господства шиитов в Ираке. С другой стороны, шиитскую милицию поддерживали свои фанатично настроенные религиозные лидеры, требовавшие отмищения суннитам. Получался замкнутый круг.

Гражданское противоборство в Ираке достигла своего пика и уровня террористической войны в 2006-м — первой половине 2007 года. В 2008-м, когда стороны несколько устали от войны и начали осознавать ее бессмысленность, масштабы насилия в стране начали заметно снижаться. В общей сложности, по данным иракского правительства, в стране с апреля 2004-го до конца 2011 года погибло почти 70 тысяч человек из числа гражданского населения и было ранено более 239 тысяч. При этом, по иронии судьбы, наиболее кровопролитным оказался 2006 год — год создания в Ираке демократических институтов власти под руководством США. Тогда погибли 21 539 гражданских лиц и получили

ранения 39 329 человек³⁶. Тем не менее на фоне таких многочисленных жертв среди гражданского населения ряд американских политиков, экспертов и обозревателей полагали, что в Ираке не было гражданской войны, что страна лишь подошла... к ее грани.

Затяжной характер войны в Ираке, большие потери среди военнослужащих начали вызывать недовольство американского общества. Число раненых уже на 2005 год достигло 15 345 человек³⁷. Уровень популярности президента Дж. Буша-мл. упал приблизительно с 80 процентов осенью 2001 года до 37 процентов в сентябре 2005-го³⁸. На вопрос о том, должны ли американские войска оставаться в Ираке до тех пор, пока он не станет «стабильной демократией», или же их следует немедленно вывести, в октябре 2005 года американцы отвечали так: 36 процентов опрошенных высказались за то, чтобы оставаться; 59 процентов — за немедленный вывод войск. В конце 2003 года данный показатель составлял, соответственно, 56 и 35 процентов³⁹.

В американском обществе начались дебаты по поводу ложных разведывательных данных по Ираку. Телекомпания «CNN» организовала цикл передач по этой теме. В августе 2005 года в одной из них выступил бывший руководитель секретариата К. Пауэлла полковник Л. Вилкерсон. Он рассказал, что в конце лета 2003 года директор ЦРУ Дж. Тенет позвонил К. Пауэлли и сообщил, что сведения о мобильных лабораториях с биологическим оружием «не были правдивыми», после

³⁶ См. **W. G. Dunlop, S. Faraj**. Bombs Kill Eight as Iraq Says 70000 Dead, 2004—2011. February 29, 2012. — <http://sg.news.yahoo.com/iraq-car-bombs-kill-six-082725141.html>

³⁷ См. «Casualties in Iraq». November 2, 2005. — www.antiwar.com/

³⁸ См. «U.S. Forces Ready for More Violence in Iraq, President Bush Says». — www.pbs.org/newshour/updates/iraq_09-28-05.html

³⁹ См. «Iraq. CBS News Poll». 3—5 October, 2005. — www.pollingreport.com/

чего отношения между ними были испорчены. Д. Кэй, главный инспектор ЦРУ по поиску иракского ОМУ, заявил: «Фактически государственный секретарь Пауэлл не был поставлен в известность о том, что один из поставщиков информации на самом деле был охарактеризован военной разведкой как лжец и человек, способный сфабриковать необходимую информацию». Это был эмигрант из Ирака, которого ЦРУ даже никогда не допрашивало⁴⁰.

В феврале 2011 года в интервью английской газете «Гардиан» этот эмигрант, Рафид Ахмед Алван аль-Джабани, признался, что сознательно сфабриковал данные о наличии у режима Саддама ОМУ. Он, в частности, заявил: «Я имел возможность сфабриковать нечто, чтобы свалить этот [Саддама] режим. Я и мои сыновья гордимся таким поступком, и мы полны гордости от того, что послужили основанием для предоставления Ираку возможности создать демократию»⁴¹. После этого интервью К. Пауэлл в очередной раз потребовал от ЦРУ и РУМО (Разведывательное управление министерства обороны) объяснений по поводу того, почему разведывательные органы не информировали его и президента Дж. Буша-мл. о ненадежности своих источников информации.

Показательно, что такой известный ветеран, как экс-политик от Республиканской партии генерал Б. Скаукрофт, выступил в октябре 2005 года с резкой критикой политики «неоконов» в Ираке. По его мнению, Америка при Дж. Буше-мл. страдала от последствий их «революционного утопизма» и распространение демократии американского типа за рубежом не являлось достаточ-

ным основанием для применения силы⁴². Он также отверг аргументацию о том, что война в Ираке являлась частью глобальной борьбы с международным терроризмом, поскольку после американского вторжения страна как раз и стала питательной почвой для терроризма, чего ранее не было. В итоге 160-тысячный контингент американских войск в Ираке не смог контролировать территорию страны, включая ее границы. Признание того очевидного факта, что режим С. Хусейна не имел ничего общего с терроризмом Усамы бен Ладена (второе по значимости основание для вторжения США), завершило дело. Уже в октябре 2004 года оно прозвучало со стороны руководства ЦРУ⁴³.

Скаукрофт охарактеризовал вице-президента Р. Чейни, которого знал в течение тридцати лет, как «реальную аномалию» в рядах республиканской администрации Дж. Буша-мл. за его догматическую приверженность внешнеполитическим идеям «неоконсерваторов». Вулфовица он назвал «жестко мыслящим идеалистом», который придерживается «утопических идей» и попросту не способен воспринимать факты, противоречащие этим идеям. Стремление Вулфовица и других «неоконов» быстро демократизировать Ближний Восток генерал считал недостижимым в обозримом будущем. По его мнению, искусственно стимулируя процесс демократизации, «вы можете сделать Ближний Восток гораздо хуже»⁴⁴. Именно так и произошло с Ираком. К сожалению, таких трезво мыслящих политиков и экспертов, как Скаукрофт, в США очень мало.

⁴⁰ «Former Aide: Powell WMD Speech “Lowest Point in My Life”». August 23, 2005. — www.articles.cnn.com/

⁴¹ *Цит. по: J. Capristo*. Powell Calls for Answers Over Curveball’s Misinformation on WMD. February 18, 2011. — www.associated-content.com/

⁴² *См.* «Brent Scowcroft “Breaks Ranks” with George W. Bush in Major New Yorker Article». October 23, 2005. — www.thewashingtonnote.com/

⁴³ *См.* «CIA Review Finds No Evidence Saddam Had Ties to Islamic Terrorists». October 04, 2004. — www.aberdeennews.com/

⁴⁴ *Ibid.*

Следует особо подчеркнуть, что снижение уровня насилия в Ираке началось лишь тогда, когда сами иракцы, в первую очередь сунниты, устали от произвола, террористических атак и пыток, которые организовывали проникшие в страну представители «Аль-Каиды» и примыкавшие к ним иностранные экстремистские группировки. Показательно, что 91 тысяча иракских боевиков (так называемые Обеспокоенные местные граждане), в числе которых было приблизительно 80 процентов суннитов и 20 процентов шиитов, прекратили боевые действия против американцев и решили сотрудничать с ними для совместной борьбы против «Аль-Каиды». Американское командование быстро поддержало эту инициативу, снабжая «граждан» деньгами и оружием. Процесс начался в 2007 году⁴⁵. Американцы хотели присоединить бывших боевиков к иракским силам безопасности, но встретили сопротивление премьер-министра Нури аль-Малики и шиитов в правительстве. В итоге лишь 22 тысячи были приняты в ряды силовых структур.

По состоянию на апрель 2008 года, количество еженедельных нападений и погибших гражданских лиц в Ираке по сравнению с пиковым 2006 годом снизилось приблизительно на 70 процентов до уровня 2004-го. Число террористических нападений в Багдаде снизилось на 67 процентов, приблизительно 75 процентов районов столицы стали считаться «относительно безопасными». Многие семьи начали возвращаться в город. В провинции Анбар, где сильны были суннитские повстанцы, число нападений снизилось на 90 процентов, многие города в ней возвращались к нормальной жизни. В общей сложности совместными усилиями в течение 2007 года было уничтожено или взято в плен 3,6 тысячи боевиков «Аль-Каиды»⁴⁶.

⁴⁵ См. **K. Katzman**. Iraq: Post-Saddam Governance and Security. — «CRS Report for Congress». 04.06.2008 № RL31339. Wash., 2008. P. 30.

⁴⁶ См. *ibid.* P. 41.

После того как война в Ираке окончательно зашла в тупик, в США начало складываться мнение, что всему виной был именно специфический стиль принятия решений в администрации Дж. Буша-мл., исключавший рассмотрение альтернатив. Президента попытались сделать козлом отпущения за эту неудачную, затянувшуюся войну, что вызвало самую искреннюю его обиду, отразившуюся и в мемуарах. Но так ли все было на самом деле? Можно ли винить одного только Буша? Представляется, что нет. Как было показано выше, президент был типичным носителем американского традиционного внешнеполитического сознания со всеми его минусами. Такими же носителями последнего были и руководители органов разведки, и американские законодатели. Опыт войны в Ираке лишний раз подтвердил ошибочность универсалистского подхода к глобализованному миропорядку как одной из основ внешнеполитического менталитета американцев. А потому, хотя Буш-мл. действительно опирался лишь на очень узкий круг ближайших подчиненных (Чейни, Рамсфелд, Райс, Пауэлл), но принадлежащего к этому кругу Пауэлла вряд ли можно отнести к числу «поддакивающих». Наоборот, он постоянно ратовал за дипломатический и многосторонний путь решения проблемы Ирака.

Возникает важный вопрос: почему американские органы разведки предоставили Бушу, Пауэлли и конгрессу заведомо ненадежную, по сути — ложную информацию по Ираку? Как представляется, тому было две основные причины.

Во-первых, склонность значительной части политической элиты США, в первую очередь принадлежащей к Республиканской партии (включая и руководителей разведывательных органов), к упрощенному черно-белому восприятию внешнего мира. В рамках такого восприятия США всегда выступают воплощением «вселенского

добра», а противоположная сторона — «всеобщего зла»⁴⁷. Другими словами, сама специфика внешнеполитического сознания американцев подталкивала и подталкивает руководителей внешнеполитических и разведывательных ведомств к преднамеренной демонизации противоположной стороны. Представляется, что в этой ситуации руководители органов разведки прекрасно отдавали себе отчет в том, что ненадежная информация о злонамеренности саддамовского Ирака будет благожелательно воспринята и республиканской администрацией Дж. Буша-мл., и конгрессом, и американской общественностью.

Во-вторых, свою роль сыграл и неэффективный стиль принятия решений президентом Дж. Бушем-мл. Если бы руководство «разведывательного сообщества» знало, что президент предпочитает изучать альтернативные варианты принятия решений, включая прямо противоположные, оно вряд ли решилось бы опираться на лживых информаторов, склонных к фабрикации данных. И здесь основная вина должна быть возложена непосредственно на Буша. Также, если бы президент обладал хорошими аналитическими способностями и умел принимать самостоятельные решения, он бы не впал в такую большую зависимость от «неоконов» и их утопических воззрений во внешней политике. Но этого не было.

Сказанное приводит к нескольким выводам. *Во-первых*, президент Дж. Буш-мл. был лишь частично виновен в принятии ошибочного решения в отношении Ирака. Роль его личности не была главной. Наибольшую долю ответственности должно нести подавляющее большин-

ство политической элиты США. Конгресс, где в каждой палате имеются специальные комитеты по разведке, в октябре 2002 года мог элементарно поставить под сомнение представленную разведывательную информацию по Ираку, устроить закрытые слушания и т. п. Но этого не было сделано. Законодатели не менее, чем представители исполнительной власти, оказались в состоянии эйфории, поверили в «маленькую победоносную войну» и демонизированный образ саддамовского Ирака. Когда же война затянулась на многие годы и приобрела изматывающий характер, вызвав неприятие американского общества, они предпочли свалить всю вину за это на Дж. Буша-мл.

Во-вторых, в 2008 году Вашингтон заключил с Багдадом соглашение, в соответствии с которым американские войска должны были быть выведены из Ирака до конца 2011 года. Выполнить его пришлось демократической администрации Барака Обамы. В течение 2010 года американцы прекратили боевые операции в Ираке и вывели порядка 100 тысяч военнослужащих. Демократы стремились к тому, чтобы оставить после ухода «суверенный, стабильный и самодостаточный» (sovereign, stable and self-reliant) Ирак. В 2011 году суннитские лидеры прекратили эффективное сопротивление федерализации страны, похоже, утратив надежды на восстановление своего контроля над центральной властью. Они начали формирование собственного региона в рамках Ирака, к чему ранее приступили курды и шииты⁴⁸.

Американцы осторожно, без огласки 18 декабря 2011 года вывели свои последние воинские подразделения из Ирака в Кувейт. Почти девятилетняя война, унесшая жизни около 4,5 тысячи американских военнотру-

⁴⁷ Подробнее см. об этом: **С. М. Самуйлов**. Внешнеполитический механизм США: эволюция, реформирование, проблемы. М., 2009. С. 298 — 299.

⁴⁸ См. **К. Katzman**. Iraq: Politics, Governance, and Human Rights. P. 17.

жащих и стоившая более 800 миллиардов долларов, закончилась бесславно. Б. Обаме пришлось заявить, что Ирак стал «суверенным, стабильным и самодостаточным»⁴⁹. На деле же это было далеко не так. Вероятнее всего, в ближайшие годы страна трансформируется в лучшем случае в слабую федерацию. Первоначальные надежды Вашингтона на то, что удастся силой быстро создать «стабильную демократию», не оправдались.

В-третьих, проведенный в статье анализ принятия решения о вторжении в Ирак позволяет утверждать, что главной причиной неудачи американцев стала специфика их традиционно внешнеполитического мышления, точнее говоря, значительная оторванность последнего от международной реальности. Такие особенности национального менталитета американцев, как отсутствие историзма, неизбывная вера в универсализм, склонность к крайне упрощенному черно-белому восприятию внешнего мира в духе борьбы «добра и зла», мессианская одержимость глобальной демократизацией, породили поверхностное, наивно-утопическое отношение администрации Дж. Буша-мл. к вторжению в

Ирак. Столкновение с жестокими, противоречивыми и запутанными иракскими реалиями обнаружило большой разрыв между ними и утопизмом Вашингтона.

Второй по важности причиной была сущность исторического момента, который переживали США в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Тогда политическая элита впала в состояние эйфории, психологического «головокружения от успехов» из-за крушения Советского Союза и социалистической системы. Американским политикам казалось, что США могут единолично править миром и создать под своим руководством мировую империю. В числе прочего, поверив во всемогущество США, конгресс без колебаний дал «зеленый свет» администрации Буша на вторжение в Ирак, предвкушая быструю и легкую победу. Реальности полностью развеяли эту эйфорию.

Лишь третьей по значимости причиной можно назвать неэффективный стиль принятия решений Дж. Бушем-мл., его склонность окружать себя поддакивающими помощниками, его невысокие интеллектуальные способности. Это стимулировало органы разведки в тот исторический момент предоставить ложную информацию, чтобы угодить ему. Американская система «сдержек и противовесов» не сработала. ◆

---

⁴⁹ «Last US Troops Withdraw from Iraq». December 18, 2011. — www.bbc.co.uk/